

Все эти годы Марк, несмотря на постоянно ухудшающееся состояние здоровья, активно участвовал в мемориальных мероприятиях, выступал перед школьниками, молодежью

организации. Душой и инициатором издания сборника был председатель амуты «Память Катастрофы» ашкелонского отделения всеизраильской ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Марк Мешок. Обе книги есть в моей личной библиотеке, одна из них — с теплой дарственной надписью Марка.

Ему действительно было что вспомнить о Холокосте на Волыни. Писательница Любовь Розенфельд, уцелевшая ребенком в Катастрофе, беженка из Киева, чьи родные погибли на фронтах и сгинули в Бабьем Яре, готовила к печати повесть Марка «Не забуду! Не прощу!». Ее скупая фраза говорит о многом: «Он не писал. Он — рассказывал. Я под его диктовку и настучала на компьютере, потом занялась обработкой текста уже дома. Марк плакал, когда рассказывал...» Да как тут не заплакать, когда в первые же дни войны в тридцати километрах от Новоград-Волынского, в Красноармейске на его глазах, мальчишки тринадцати лет, нацисты и полицаи бросили в машину исколотого штыками, окровавленного старого деда и увели на погибель бабушку и старшую сестру — комсомолку Хану. И это было лишь начало...

Воспоминания Марка, пусть и литературно обработанные, — достоверный исторический источник. Благодаря им можно получить истинную картину о еврейской трагедии в «отдельно взятом местечке», проследить процесс уничтожения евреев нацистами и их местными приспешниками. Он чудом избежал гибели во время массового расстрела на Лысой горе у села Ягоденки. Его спас местный знакомый семьи, немец Николай Фитчер, выдав за своего родственника. На глазах у Марка местный полицай Рыжук тогда расстрелял отца. Придет время, и Марк лично перед строем партизан поквитается с нацистским прихвостнем, и не только за отца, и будет при этом судьей и исполнителем приговора, но это будет позже.

Гетто в Красноармейске. Катрожные работы, на которые гоняли и десятилетних детей — дети мостили дороги вместе с советскими военнопленными. Голод, болезни. Был «газенваген» — грузовик с крытым кузовом, в котором убивали выхлопными газами, — «душегубка». И Марк вместе с матерью выжил в этом аду. Признаюсь, прочитав, я поначалу даже не поверил, будучи знакомым с единственным подобным случаем, когда свидетель, выживший в «душегубке», навсегда потерял голос. Позволил руководившей русскоязыч-

ными программами в Международной школе по изучению Холокоста в «Яд ва-Шем» доктору Ирит Абрамски. Она развеяла все сомнения: «Марк Мешок — человек, которому я полностью доверяю. В его воспоминаниях, которыми он делится с участниками наших семинаров, нет ни одной фальшивой ноты».

Был и второй расстрел, 27 декабря 1941 года, в том же месте, у села Ягоденки (уже в советские времена Марк сделает все возможное и невозможное, чтобы достойно похоронить останки погибших), когда ему удалось выкарабкаться из ямы, заваленной трупами, — смерть вновь обошла его стороной.

Почти два года в камере. Его и брата спасло чудо и, конечно, замечательная «аидише ма-

мэ» — Фаина Мешок, чье искусство портнихи помогало выжить поистине в нечеловеческих условиях. Ей Марк посвятил немало слов благодарности на страницах своей повести, своей исповеди. Живая память Марка и искусство литобработчика помогли донести до нас картины «быта» обреченных на смерть людей, душевраздирающие сцены расправ над беззащитными, вина которых была лишь в том, что они родились евреями.

Весна 1943 года стала переломным моментом в жизни Марка и уцелевших членов его семьи — матери и брата Леонида. Они смогли уйти к партизанам, в отряд «За Победу», соединение Маликова. Одним из тех, кто помог семье Марка обрести свободу, рискуя собственной жизнью, был Петр Захарович Пискун. И Марк Мешок не забыл этого человека. Будучи в Израиле, он сделал все, чтобы спасителю было присвоено звание Праведника народов мира, и это произошло в 2002 году.

Марк был зачислен в разведку. «Наша задача была проследить, сколько уходит эшелонов, в каком направлении, что везут в этих эшелонах — людей или технику. В каждой деревне вокруг отряда были связные, мы передавали связному наши наблюдения, из деревни данные попадали в отряд».

Оборванных пацанов, вспоминает он, посылали на вокзалы, им было легче прошмыгнуть сквозь кордоны охраны, иногда они передавали взрывчатку машинистам поездов и знакомым железнодорожникам. После этого взлетали на воздух немецкие эшелоны с живой силой или техникой, и это был мощный вклад юных мстителей, в том числе и Марка, в «рельсовую войну» против нацистов. Отряд, а затем соединение Маликова, в котором служил Марк, взаимодействовало с соединениями Собурова, Федорова, Наумова и Ковпака, а во время рейда Ковпака оттягивало на себя снятые с Восточного фронта для подавления партизанского движения немецкие части.

Во время выполнения боевого задания юный партизан получил серьезное ранение позвоночника, но остался в строю, в минометном взводе. «Я не мог бегать или носить миномет, я только сидел на ящике и подавал мины».

С привязанной доской к спине, почти полулежа, превозмогая адскую боль, подавал мины, и они летели в сторону немцев.

В декабре 1943 года он встретил части Красной армии, а после окончания войны не раз выступал вместе с матерью свидетелем на судах над полицаями — палачами еврейского народа. Сегодня-то мы знаем, что судили этих нелюдей не за соучастие в Холокосте и убийство евреев, а за предательство советской власти и переход на сторону нацистов, но все же...

Потом была многолетняя служба в рядах советской армии, в тан-

